

«Непарадный портрет» учащихся системы Государственных трудовых резервов СССР как потенциальный фактор ее обновления

Л. В. Захаровский, М. Б. Ларионова [✉], Т. А. Заглодина, С. Л. Разинков
 Российский государственный профессионально-педагогический университет,
 Екатеринбург, Российская Федерация
[✉] marin.lar@mail.ru

Введение. Создание системы Государственных трудовых резервов в 1940-е гг. сопровождалось формированием официального образа – «парадного портрета» ее учащегося. Любые отступления от официального образа, представляющие в совокупности «непарадный портрет», превращались не просто в частные девиации, а в социально-политический феномен, угрожавший важнейшим технологиям социального управления.

Цель. Охарактеризовать механизмы реализации и ограничения потенциала обновления системы Государственных трудовых резервов в 1940–1950-е гг., исходя из проявлений «непарадного портрета» учащихся.

Методы. Методология исследования основывается на теории модернизации и акторном подходе, связанном с деятельностью образовательной бюрократии по формированию новых социальных практик и отношений. При характеристике взаимодействия образовательной бюрократии с учащимися трудовых резервов использовалась концепция О. Л. Лейбовича о социальных конвенциях, обеспечивающих сосуществование в коллективе людей, ориентирующихся на разные ценности.

Результаты. Рассмотрены основные типы девиаций и проявлений «непарадности» учащихся – побеги, криминальное поведение, жалобы учащихся в пределах внутрисистемного и внешнего управленческого контура. Обоснованы выводы о том, что обновление происходило преимущественно на низших и региональных уровнях системы Государственных трудовых резервов, носило вынужденный и «реактивный» характер и в конечном итоге способствовало гуманизации системы, ее медленной трансформации из мобилизационно-приказной в учебно-производственную.

Научная новизна. Впервые поставлена проблема влияния проявлений «непарадного портрета» учащихся на потенциал обновления системы Государственных трудовых резервов.

Теоретическая значимость. Результаты исследования могут быть применены при исследовании эволюции системы профессионально-технического образования.

Ключевые слова: государственные трудовые резервы, история СССР, история профессионального образования, ремесленные училища, школы ФЗО, подростковая преступность, воспитательная работа, социальные конвенции

Финансирование. Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 23-28-01065 «Непарадный портрет» Даниила Кузьмича: потенциал обновления системы Государственных трудовых резервов в субкультуре учащихся (1940–1950-е гг.).

© Захаровский Л. В., Ларионова М. Б., Заглодина Т. А., Разинков С. Л.

Для цитирования: Захаровский Л. В., Ларионова М. Б., Заглодина Т. А., Разинков С. Л. «Непарадный портрет» учащихся системы Государственных трудовых резервов СССР как потенциальный фактор ее обновления // Профессиональное образование и рынок труда. 2024. Т. 12. № 4. С. 114–129. <https://doi.org/10.52944/PORT.2024.59.4.008>

Статья поступила в редакцию 16 октября 2024 г.; поступила после рецензирования 25 октября 2024 г.; принята к публикации 28 октября 2024 г.

Original article

“Informal portrait” of students of the USSR State Labour Reserves system as a potential factor in its renewal

Leonid V. Zakharovsky, Marina B. Larionova ✉, Tatyana A. Zaglodina, Sergey L. Razinkov

Russian State Vocational Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russian Federation
✉marin.lar@mail.ru

Introduction. Creation of the State labour reserves in the 1940s was accompanied by the formation of an “official portrait” of its student. The deviations from it (the “informal portrait”) did not just turn into private deviations, but became a socio-political phenomenon that threatened the most important technologies of social management. **The aim** of the research is to characterise the mechanisms of implementation and limitations of the potential for renewal of the State labour reserves system in the 1940-1950s, based on the manifestations of the “informal portrait” of students.

Methods. The theory of modernisation and the actor-based approach associated with the activities of the educational bureaucracy in the formation of new social practices and relations were used as a methodology. In characterising the interaction of the educational bureaucracy with students of the labour reserves, O. Leibovich’s concept of social conventions that ensure the coexistence in a group of people oriented toward different values was used.

Results. The main types of deviations and manifestations of the “informal” behavior of students that are considered are: runaways, criminal behavior, students’ appeals inside and outside the State labour reserves system. The following conclusions are substantiated: that the renewal took place mainly at the lower and regional levels of the state labour reserve system and was forced and «reactive» in nature and, ultimately, contributed to the humanisation of the system, its slow transformation from a mobilisation and order system into a training and production one.

Scientific novelty. For the first time, the influence of the “informal portrait” of students on the potential for updating the system of State labour reserves was posed as a research problem.

Theoretical significance. The results of the study can be applied in the study of the evolution of the system of vocational education.

Keywords: state labour reserves, history of USSR, history of vocational education, vocational schools, factory-based schools, juvenile delinquency, educational work, social conventions

Funding. This article was made possible with the financial support of the Russian Science Foundation grant, project number 23-28-01065 “Non-Parade Portrait” of Danila

Kuzmich: the potential for updating the State Labour Reserves system in the subculture of students (1940s–1950s).

For citation: Zakharovsky, L. V., Larionova, M. B., Zaglodina, T. A., & Razinkov, S. L. (2024). "Informal portrait" of the students of the USSR State Labour Reserves system as a potential factor in its renewal. *Vocational Education and Labour Market*, 12 (4), 114–129. (In Russ.) <https://doi.org/10.52944/PORT.2024.59.4.008>

Received October 16, 2024; revised October 25, 2024; accepted October 28, 2024.

Введение

Потенциал обновления системы Государственных трудовых резервов СССР (далее – ГТР) наиболее полно проявляется в совокупности многочисленных случаев отступлений от официально культивируемого образа учащихся. «Непарадный портрет» трудрезервовцев создает особую оптику для исследования системы, в течение двух десятилетий готовившей и распределявшей по отраслям народного хозяйства молодые квалифицированные рабочие кадры. При всей неоднозначности оценок образовательных, производственных, бытовых практик трудно отрицать объективные успехи в выполнении ею учебных и производственных задач, достигавшиеся в установленные правительством сроки в условиях постоянного дефицита материальных ресурсов.

Успехи системы ГТР требуют объективного исследования тех внутренних процессов, которые позволяли выполнять планы, решать проблемы, демпфировать противоречия. Внутреннее развитие и постоянное обновление отдельных структур, механизмов и практик пока не стало объектом пристального внимания исследователей, в том числе в силу устоявшегося в историографии последних десятилетий образа жесткой, полувоенной системы.

Изучение потенциала, которым в процессах обновления системы обладал феномен «непарадного портрета» учащегося, – еще более сложная проблема.

Попытка реконструкции «непарадного портрета», позволившая воссоздать демографический, психологический и социокультурный облики учащихся системы ГТР, предпринята в статье, опубликованной авторами годом ранее (Ларионова и др., 2023). В ней на основе анализа делопроизводственной документации центральных и региональных органов управления трудовыми резервами (приказы, инструктивные письма, стенограммы совещаний) были выявлены 15 типов «непарадности».

Проявления «непарадности» создавали постоянную угрозу формируемым властью мифам о рабочих (от подготовки гвардейцев труда до привилегированного положения работника уже на предприятии и в обществе) и угрожали важнейшим технологиям социального управления. Поэтому проявления «непарадного портрета» нельзя было игнорировать или подавлять только методами насилия. Они могли быть изжиты или, по крайней мере, минимизированы только в процессе реального обновления системы.

«Непарадный портрет» учащихся системы ГТР как объект изучения неразрывно связан с такими перспективными объектами исторических

исследований, как повседневность и социальные мифы. Из результатов исследований современных историков повседневности советского периода наибольший интерес для нас представляют выводы о фундаментальном значении социальных сдвигов в структуре модернизационных процессов, а также концепция разрывов и конвенций как основных характеристик социальных структур в периоды модернизации, вынесенная в название коллективной монографии под редакцией О. Л. Лейбовича – «Разрывы и конвенции в отечественной культуре» (2011).

«Непарадный портрет» выступает оппозицией *портрету парадному*, официально насаждавшемуся в массовое сознание образу учащихся ГТР. Поэтому отдельного внимания требует разработка проблемы роли «парадного портрета» как феномена социальной мифологии¹. Выявлению генезиса и своеобразия отдельных разновидностей современной мифологии посвящены работы Р. Berger (1977), П. С. Гуревича (1983), Л. М. Баткина (1971), И. И. Травина (1989). Так, Р. Berger, исследуя легитимирующую связь между институтами и социальной реальностью, предложил феноменологический язык описания повседневности и проанализировал генеалогию социальных мифов (Berger, 1977). П. С. Гуревич подчеркивал умышленность применения социальных мифов господствующими в обществе силами для воздействия на массы (Гуревич, 1983).

Исследуемый в такой оптике «непарадный портрет» учащихся системы ГТР выступает как сложный феномен. Он не просто представлял собой девиантные формы поведения учащихся, осуждаемые руководством системы, но, выступая индикатором целого ряда негласных конвенций (сторонами-участниками которых являлись местные партийно-советские структуры, руководители предприятий, учебных заведений и т. д.), препятствовал формированию и устойчивому функционированию конвенциональной системы неформальных договоренностей и взаимных уступок, реализуемых за счет интересов учащихся.

Для выявления характеристик взаимодействия образовательной бюрократии с учащимися системы ГТР мы опираемся на упомянутую выше концепцию О. Л. Лейбовича о культурном разрыве как массовом феномене сталинского СССР, предполагающем непредсказуемость социальных реакций на групповом и индивидуальном уровне, которые особенно заметны в ситуации социального конфликта (Разрывы и конвенции..., 2011). Авторы монографии приходят к постановке еще одной проблемы – механизма обеспечения сосуществования в коллективах людей, ориентирующихся на разные ценности. В качестве такого механизма они определили социальные конвенции – слабые ситуативно-предметные социальные связи. Связанные конвенциями индивиды по-разному интерпретируют социальные факты, но в силу внешних по отношению к ним причин вынуждены взаимодействовать друг с другом. Использованный для иллюстрации этой модели пример из школьной практики Молотовской области (грубость директора школы являлась культурным разрывом с идеальным образом педагога, но сходила ему с рук, пока

¹ Социальный миф, в нашем понимании, – это исторически сложившийся социокультурный феномен, настаивающий на своей абсолютной истинности и в этой решительной претензии не подтверждаемый общественной практикой, однако, несмотря на это, используемый господствующими социальными силами в своих интересах.

он соблюдал конвенцию с местной партийно-советской бюрократией, основное содержание которой – «не выносить сор из избы») прекрасно иллюстрирует повседневную жизнь многих училищ и школ ГТР и демонстрирует «непарадный портрет» директора.

Перечисленные концептуальные подходы позволяют сформулировать две принципиальные задачи настоящего исследования: *определение сущности заявленного феномена – потенциала обновления системы ГТР, заложенного в проявлениях “непарадного портрета” учащихся, и изучение механизмов реализации указанного потенциала обновления и его ограничений.*

Методы

Методологической основой исследования выступает модернизационная теория. В рамках этой парадигмы оптимальным методом исследования представляется комплексный анализ, поскольку модернизация охватывает широкий спектр общественных процессов и проблем – смену технологических укладов и форм собственности, изменения в области образования, культуры, науки, правовых институтов, социальные сдвиги. Исследование построено в рамках акторной модели, позволяющей, в частности, определить, каким образом в процессе стремления акторов минимизировать риски и ресурсные затраты выстраиваются коллективные взаимодействия, в результате которых возникают новые социальные практики и отношения. В качестве актора рассматривается образовательная бюрократия – группа выходцев из профсоюзной и комсомольской среды, возглавившая создание системы ГТР резервов и подбирившая кадры для низших ее звеньев.

В качестве документальных источников исследования использованы материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Свердловской области (ГАСО), Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), в процессе анализа которых применены теоретические наработки О. Л. Лейбовича и его соавторов (Разрывы и конвенции..., 2011).

Результаты и обсуждение

Сущность потенциала обновления системы Государственных трудовых резервов, заложенного в проявлениях «непарадного портрета»

Создание военной экономики, милитаризация труда – объективная реальность тех лет, когда формировались основы системы ГТР. Сформированная и закреплённая в лозунгах и гимнах мифологема «молодые гвардейцы труда», «рабочей гвардии смена» задавала официальному образу трудрезервовцев жесткие контуры, трансформация которых могла произойти только в ходе длительных и плавных изменений в акцентах официальной пропаганды. Поэтому обновление системы ГТР происходило в специфическом режиме явных и неявных ограничений.

1. Обновление допускалось только на низшем и региональном уровнях (о чем свидетельствует разрыв между неизменно положительными

публичными оценками ее деятельности со стороны руководства Главного управления трудовых резервов (с мая 1946 г. – министерства) и постоянным обсуждением имеющихся проблем на совещаниях руководителей региональных управлений, директоров, помполитов). Здесь шел вполне откровенный диалог, в котором индикаторами проблем как раз и выступали те или иные проявления «непарадного портрета» учащихся.

2. Обновление носило всегда вынужденный характер, когда оказывались малоэффективными уже имеющиеся организационно-управленческие и карательные механизмы борьбы с «непарадными» проявлениями. Таких механизмов разной степени жесткости еще на самом начальном этапе формирования системы в 1940–41 гг. было создано множество – от товарищеских судов, перевоспитывающих нарушителей дисциплины, до указа Президиума Верховного Совета СССР об уголовной ответственности за побег.

3. Обновление как реакция на проявления «непарадного портрета» учащихся способствовало гуманизации системы, ее медленной трансформации из мобилизационно-приказной в учебно-производственную, что означало большую возможность реализации свободы и творчества учащихся, прежде всего в свободное время. При этом жесткий каркас системных принципов, гарантирующих выполнение обязательств по подготовке кадров в требуемых масштабах и производстве продукции в необходимом количестве, на протяжении всего периода 1940–1950-х гг. остался фактически неизменным.

Сущность потенциала обновления системы ГТР, заложенного в проявлениях «непарадного портрета» учащихся, может быть осмыслена, в первую очередь через изучение их роли в таком обновлении. Проявления «непарадности» *высвечивали «проблемные зоны» системы ГТР* (комплектование, материальное обеспечение учебного процесса, организация свободного времени и поддержка поощряемых активностей, организация производственного обучения), тем самым периодически подталкивая руководство региональных управлений (при наличии санкции Главного управления) к гуманизации некоторых практик.

Наиболее радикальным проявлением «непарадного портрета» в 1940-е гг. являются самовольные уходы (побеги) учащихся из училищ и школ ФЗО. Изучение масштабов самовольных уходов в комплексе с данными о менее заметных, но не менее явных отступлениях от парадного образа, позволяет сделать вывод о том, что работники учебных заведений системы ГТР максимально скрывали показатели «непарадности». Даже данные о побегах предоставлялись в верхние эшелоны системы неохотно и зачастую с опозданием, хотя случаи сокрытия фактов легко обнаруживались при соотнесении количества прибывших на обучение и выпущенных.

Массовые проявления протестов и нарушений дисциплины (как попавшие в отчетные данные, так и сокрытые) заставили руководство выдвигать самые разные объяснения: «самовольным уходам способствовало и нечуткое отношение к приему вновь призванной молодежи, неудачи в обеспечении нормальных бытовых условий прибывшей молодежи, отсутствие должной постановки политико-массовой работы и слабая постановка учебно-производственном процессе»; «наибольшая текучесть

учащихся происходила из школ ФЗО металлургической промышленности, угольной, строительства топливных предприятий и строительной индустрии»; «в числе отчисленных значительный процент падает за счет совершения воровства и хулиганства, особенно эти проступки проявляются со стороны молодежи, прибывшей из трудовых колоний и детприемников Министерства внутренних дел»; «проверкой школ ФЗО, имеющих наибольшую текучесть учащихся, установлено, что самовольные уходы и нарушение правил внутреннего распорядка наблюдаются там, где преимущественно контингент учащихся завозился из других областей и где неудовлетворительно поставлена учебно-воспитательная работа, где плохо обстоит дело с жилищно-бытовым обслуживанием учащихся»¹.

Анализ мер по сохранению контингента показывает, что работники облуправления отделяли ситуативные факторы, порождавшие элементы «непарадности», от фундаментальных, повсеместно распространенных, и пытались при помощи организационных и кадровых решений на них воздействовать.

Таким образом, «непарадность» в краткосрочной перспективе способствовала частным структурным перестройкам внутри системы. Ограниченность возможностей маневрирования ресурсами у малокомплектных школ и училищ, продуцировавшая условия, вызывавшие острые проявления недовольства учащихся, подталкивала к ликвидации таких учебных заведений. В ряде случаев «непарадность» способствовала выстраиванию более тесных связей учебных заведений с промышленными предприятиями, формируя для учащихся не только дополнительную ресурсную базу, но и более понятную перспективу, выражавшуюся в принадлежности к определенной отрасли и наркомату. «Непарадность» вследствие трудностей адаптации контингентов, завозимых из других регионов, стимулировала областные управления трудовых резервов к определению перечня желаемых регионов-доноров (поставлявших наименее беспокойный контингент), а Главное управление – к ограничению масштабов региональных систем с учетом реального потенциала местного призыва учащихся, не нуждавшихся в общежитиях и при необходимости получавших продукты и одежду от родственников.

Стремление соответствовать «парадному» образу системы побуждало ее руководство в наиболее тяжелых ситуациях принимать меры по *кадровому обновлению* администрации и педагогов, выявлять работников системы ГТР, практиковавших равнодушно-бюрократическое, а подчас и бесчеловечное поведение по отношению к учащимся. В силу ряда факторов (отсутствие специализированной системы подготовки педагогических кадров для училищ и школ, постоянное противоречие между большим объемом учебно-производственных задач и острым дефицитом материальных ресурсов) кадровый вопрос сохранял свою остроту на всем протяжении истории ГТР. Текучести кадров способствовал и переход проявивших себя хорошими организаторами директоров и помполитов на работу в партийно-советские органы, на место которых нередко приходили случайные люди. Нередко это приводило к «непарадным»

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 46. (Цитаты даны в оригинальной редакции)

проявлениям системы – протестным выступлениям, письмам учащихся в управления трудовых резервов или партийно-государственные органы, то есть, следуя теории разрывов и конвенций Лейбовича, к нарушениям важнейшей неформальной бюрократической конвенции – “вынесению сора из избы”, и, как следствие и реакция на наиболее острые ситуации, способствовало кадровому обновлению.

Наконец, *интенсивность* тех или иных проявлений “непарадности” создавала запрос на *темпы обновлений* отдельных практик и процедур, касающихся самых болезненных для учащихся этапов – адаптации в училищах и на производстве. Опытные рабочие и мастера брали шефство над “бунтарями” и пытались их перевоспитывать. Р. Е. Романов в своей статье приводит такой пример из материалов Красноярского архива: «На заводе № 703 Наркомата минометного вооружения мастер Глущенко перевоспитал осужденного ученика-подростка Кривообокова. Следуя его примеру, другие производственники взяли шефство над 46 юными тружениками» (Романов, 2018, с. 319). Такой прообраз будущего наставничества 1970–80-х гг. увеличивал поле “горизонтальных связей” в системе ГТР, когда преобладавшие вертикальные связи “администрация – личность” все больше дополнялись горизонтальными “личность – личность”. В конечном итоге это способствовало едва заметному сдвигу в характере системы ГТР – от полувоенного к преобладающе учебно-производственному, который окончательно обозначится с отменой призыва (мобилизации).

Механизмы реализации потенциала обновления и его ограничения

1. Внутрисистемный трек

Непарадные стороны жизни и деятельности учащихся, приобретавшие заметные масштабы, не могли просто игнорироваться системой прежде всего в силу того, что создавали риски разрушения одного из значимых социальных мифов советского проекта. Миф о “молодых гвардейцах труда” был почти так же важен для советской социальной мифологии 1940–1950-х гг., как миф “Красная Армия всех сильнее”. Социальные мифы как средство социального самообмана являлись, наряду с политическими, силовыми и информационными структурами, опорными столпами советского общества. Руководство ГТР состояло из политизированных администраторов, последовательно формировавших в общественном сознании парадный облик молодого производственника, патриота, спортсмена и т. д. Поэтому все многообразие проявлений «непарадности» старались свести к банальным нарушениям дисциплины, причина которых в недостаточности воспитания конкретных нарушителей. Осознание молодежью социальной значимости овладения рабочей профессией и производства реальной продукции порождала *особый тип коллектива* («глубокая коллективность» Петров, 1987, с. 100), «непарадные» проявления в котором нельзя сводить к характеристикам отдельных его представителей. Поэтому грамотная работа (организационная, мотивационная, воспитательная) с проявлениями «непарадного портрета» несла мощнейший потенциал усвоения трудрезервовцами идеального образа учащегося как подлинно своего коллективного образа, а училища (школы) – как настоящего второго дома.

В определенной степени глубокую групповую коллективность пытались использовать в борьбе против проявлений «непарадного портрета» и руководство ГТР, например, с помощью товарищеских судов, пытавшихся бороться с «непарадностью» многочисленных проступков учащихся в военные годы массовой эвакуации, полуголодного существования и тяжелейшего труда. Положение о товарищеском суде предусматривало, что в случае принятия решения о выражении общественного осуждения в форме товарищеского порицания, таковое заносилось в формуляр учащегося. О вынесенном решении сообщалось родителям, а в отношении призванных из колхозов – правлению колхоза¹. Следует отметить, что такая «открытость» в распространении негативной информации не прижились в практике общеобразовательных школ, в немалой степени по причине того, что такая информация неминуемо сказалась бы на негативной оценке партийно-государственными структурами деятельности образовательного заведения в целом. Очевидно, поэтому в дальнейшем деятельность товарищеских судов не приобрела заметных масштабов и не смогла стать новой формой «демократического» купирования «непарадных» проявлений и коллективного созидания группового сознания и поведенческих шаблонов учащихся, которые соответствовали бы парадному образу.

В то же время ограниченность материальных и кадровых ресурсов заставляла педагогические коллективы училищ и школ ФЗО концентрироваться на решении более локальных задач, призванных минимизировать последствия проявлений «непарадности». Тяжелые условия обучения и проживания обостряли проблемы сохранения контингента учащихся. Среди практических мер наибольший масштаб имела *отправка представителей областного управления и учебных заведений в районы призыва для возвращения самовольно ушедших учащихся*. Например, в марте 1941 г. представитель Свердловского управления трудовых резервов находился в Башкирии, осуществляя призыв 70 человек вместо сбежавших 70 башкирских призывников²; заместитель директора по политчасти Первоуральской школы ФЗО № 24 Рукомойникова осенью 1941 года посетила «26 человек родителей в Казахстане, была у председателей колхозов, МТС»³.

Сложность и невысокая эффективность подобной меры, особенно в послевоенный период, побудила руководство областного управления трудовых резервов ходатайствовать в Главное управление о *закреплении за Свердловской областью конкретных регионов призыва учащихся в школы ФЗО* (Тюменская, Кировская и Омская области), поскольку «призванные оттуда хорошо закрепляются на стройках и предприятиях после выпуска из школ ФЗО». В 1945–1947 гг. мобилизация молодежи в школы ФЗО Свердловской области производилась в 16 различных регионах СССР, что делало невозможным налаживание «планомерной и систематической разъяснительной работы» с призывниками и создание «кадров

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 13. Л. 21–22 об.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 36. Д. 908. Л. 24.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 299. Л. 15.

мастеров и воспитателей из числа тех национальностей, из которых за-возят молодежь»¹.

Не менее сложной являлась проблема обеспечения дисциплины в учебных заведениях. Особого внимания требовали такие категории учащихся, как воспитанники детских домов и освобожденные от наказания молодые заключенные, переданные на обучение в учебные заведения ГТР. Одной из наиболее эффективных адаптационных мер оказалась *дифференциация количественного состава учебных и производственных групп для различных категорий учащихся*. В производственных группах, в которых преобладали освобожденные от наказания молодые заключенные, происходило сокращение состава до 15–20 человек, на каждые 40–50 учащихся выделялся воспитатель, «что необходимо из следующих соображений: опыт работы показал, что ребята охотно слушали беседы, читки газет, но как только воспитатель отошел, все газеты рвут и делают свое дело, и на 100 человек воспитатель не может находиться все время с ребятами, он переходит из группы в группу»².

Наиболее сложной проблемой являлось обеспечение дисциплины в ученических общежитиях. Для этого широко применялось введение *комендантских постов* на каждом этаже: «медицинских сестер, комендантов, военно-физкультурных работников и техничку – раскрепили по этажам. За этаж отвечает комендант, т. е. за постельные принадлежности, за то, чтобы ребята своевременно ходили в баню»³. Для решения проблемы обеспечения дисциплины, обострившейся в связи с массовым прибытием нового контингента, в РУ № 3 была апробирована *практика привлечения учащихся к организации караульной службы* в учебном заведении (в том числе в общежитии) на основе устава РККА. Опыт организации 7 караульных постов на 12 человек, которые «дежурят по 6 часов и после дежурства они имеют возможность отдохнуть 8 часов до вступления на работу», был признан успешным⁴.

Помимо этого, практиковалось *расселение контингентов из разных регионов призыва по разным комнатам*: «все учащиеся, приехавшие вновь ... расселены по производственному принципу ... в самых различных комнатах»⁵.

Самым острым моментом в структуре отношений учащихся с системой ГТР в послевоенное время являлся призыв. Ухищрения, на которые шли призывные комиссии, стремясь выполнить план призыва, сами по себе формировали целый ряд «непарадных». Докладные записки и отчеты уполномоченных Госплана СССР по областям и республикам приводят массу примеров такого рода. Призывали больных, без документов, несоответствующего возраста, с явно выраженными дефектами (эпилепсия, нарушение шейных позвонков)⁶. Такое было возможно в ситуации, когда ученик на каждом этапе своего пути (призыв, следование

¹ ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 44. Л. 71.

² ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 240. Л. 114.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 299. Л. 97.

⁴ Там же. Л. 40.

⁵ Там же. Л. 33.

⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 48. Д. 1084.

к месту учебы, обучение, трудоустройство на предприятие) не обладал никакой самостоятельностью в определении своей судьбы, располагал минимальными средствами отстаивания своих прав перед установленной системой полновластными начальниками (членами призывных комиссий, начальниками эшелонов, директорами и мастерами в училищах, директорами и даже кадровыми рабочими на предприятиях).

В соответствии с первым положением «О Главном управлении трудовых резервов при Совнаркоме СССР»¹ (утверждено СНК СССР 1 апреля 1941 г.) из подразделений, нацеленных на выявление нарушений установленных системой норм и принципов, наиболее заметную роль играла контрольно-инспекторская группа при начальнике Главного управления. Поскольку инспекторские проверки далеко не всегда могли вскрыть реальное положение дел, в практику Гострудрезервов был введен механизм верификации и использования в совершенствовании деятельности региональных управлений, училищ и школ жалоб и заявлений. Согласно Постановлению Совета Министров СССР № 516 от 26 марта 1954 г. в структуре центрального аппарата Главного управления трудовых резервов на правах отдела было предусмотрено Бюро жалоб и заявлений.

Однако учащиеся нередко предпочитали писать жалобы и во внешние по отношению к системе ГТР инстанции, разрушая образ сознательного и наполненного трудовым энтузиазмом будущего представителя рабочего класса. Такие жалобы и заявления заставляли руководителей областных управлений трудовых резервов *нарабатывать практики пересмотра заведомо незаконных решений*, в том числе решений о призыве.

Изучая большие массивы данных о масштабах и сложности возникших проблем, трудно поверить, что их удалось решить. Особенно с учетом того факта, что система ГТР к решению многих обозначенных проблем была совершенно не готова, но отменять (или хотя бы серьезно корректировать планы развития, утвержденные правительством) их не могла. Поэтому руководителям нижнего и среднего звена – от преподавателей и мастеров до директоров училищ и руководителей региональных управлений трудовых резервов – для недопущения срыва учебного процесса и выполнения производственных заданий (в том числе оборонных) приходилось вырабатывать *механизмы адаптации* к проблемам на ходу, на свой страх и риск. Многие из принимаемых решений не вписывались в установленные для системы ГТР правила и процедуры, что требовало их корректировки. В некоторых случаях она была возможна после обсуждения на региональном уровне способов решения частных проблем и закреплялась через одобрение совещаниями директоров или помполитов.

Однако некоторые проблемы носили столь масштабный характер, что не могли быть решены без корректировки принципиальных основ, заложенных в основание ГТР или установленных практик взаимоотношений с органами власти. Сглаживание остроты таких проблем требовало вынесения соответствующих предложений на уровень центральных органов власти. Способы решения сложных, затрагивающих интересы различных структур и организаций проблем, можно обозначить как *социальные демпферы*.

¹ ГАРО. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 19. Л. 32.

Еще более масштабные задачи социализации учащихся ГТР решались посредством системного применения более долгосрочных (в сравнении с *адаптацией* и *социальными демпферами*) стратегий целенаправленного формирования личности – *технологий управляемой социализации*.

Методы социализации всегда предполагают внешнее вмешательство в деятельность объекта социализации в целях ее коррекции в необходимом направлении. В этом процессе проявления «непарадного портрета» играли роль индикаторов наиболее актуальных направлений и задач коррекции. Отраслевые технологии управляемой социализации являлись таким их развитием, которое было призвано сформировать личность, сознательно стремящуюся на протяжении всей жизни приносить обществу своим трудом наибольшую пользу, претендуя на достаточно скромное материальное вознаграждение. Если *социальные демпферы* были призваны сглаживать проблемы, угрожавшие выполнению планов подготовки квалифицированных рабочих и производства в рамках госзаказов продукции в мастерских училищ, то *технологии управляемой социализации* имели более масштабные и долгосрочные задачи, были нацелены на выработку у учащихся всего спектра социально-психологических характеристик и настроений, оптимальных для обеспечения достаточного уровня поддержки модернизационного развития «снизу»; то есть представляли собой целевые контуры официального «парадного» портрета учащегося.

Главной задачей технологий управляемой социализации в области подготовки молодых рабочих, безусловно, являлось формирование у учащихся стойких коммунистических убеждений, которое осуществлялось на основе утвержденных методик¹. Точно так же специально утверждалась и тиражировалась тематика политбесед и лекториев в училищах и школах, их содержание чутко реагировало на изменения идеологических акцентов высшего руководства страны. Эта технология, зародившаяся в системе ГТР, оказалась наиболее «долгоиграющей», сохранилась вплоть до последних лет советской власти.

2. Внешний управленческий контур

Индикаторы неудач в области воспитания, использовавшиеся системой ГТР, представляли собой количественные данные о пропусках занятий, невыходе учащихся на работу, дисциплинарных нарушениях, побегах, суицидах и т. д. Выявление признаков плохой организации воспитательной работы в конкретных учебных заведениях, руководители которых нередко пытались приукрашивать реальную картину, представляли для системы ГТР определенную проблему. Поэтому важную роль в корректировке воспитательных усилий играли внешние по отношению к самим училищам и школам источники информации о реальном положении дел: материалы прокуратуры, милиции, часто содержавшие прямые указания на необходимость усиления воспитательной работы и даже конкретные предложения по ее совершенствованию, жалобы учащихся в различные инстанции, их письма на родину (не доходившие в таком случае до родителей) и в местные газеты (не публиковавшиеся).

¹ Идеино-политическое воспитание учащихся. М.: Изд-во и тип. Трудрезервиздата, 1947. 28 с.

Факты, свидетельствующие о непарадных проявлениях, попадавшие в отчеты, справки, доклады надзорно-карательных органов через письма и обращения в партийные органы, обеспечивали связь между внутренними, обычно скрытыми от внешнего наблюдения сторонами жизни учащихся и партийно-государственными инстанциями, издававшими предписания или рекомендации, способствовавшие постепенным изменениям.

Для борьбы с лакировкой действительного положения дел в училищах и школах комиссиями из работников Главного управления и областных управлений трудовых резервов проводились периодические проверки, подтверждавшие данные о массовости разрушавших парадный образ училищной действительности явлений, содержавшихся в отчетах областных управлений. Но в отличие от последних в них не было стремления смягчить реальную картину. Так, типичным примером попытки переложить ответственность за недоработки на “вредные привычки” ребят и показать позитивную динамику в работе может служить справка Свердловского областного управления за февраль 1942 г., в которой сообщалось: “В первый период обучения дисциплина в школах и училищах была очень низкая: прогулы, отказы от работы, порча государственного имущества, грубое обращение с мастерами и т. д. Часть призванных ребят принесли с собою вредные привычки и оказывали вредное влияние на других ... однако за последние 1,5–2 месяца, после выхода постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о школах ФЗО, после введения в школах ФЗО института заместителей директоров по политической части и военно-физкультурных воспитателей в деле укрепления дисциплины имеются определенные успехи. Прекратились самовольные уходы, случаи отказа от данной специальности, повысилась посещаемость”¹.

Годы спустя, уже после завершения войны, работа по воспитанию учащихся оставалась на периферии интереса руководства училищ и школ. В качестве примера приведем во многом типичный акт обследования школы ФЗО 1946 г. «Культурно-массовая воспитательная работа проводится неудовлетворительно. Вся работа ограничена только проведением читок газет. Досуг учащихся не организован. За все время посетили всего 3 раза кино. Красный уголок не работает, музыкальных инструментов нет, самодеятельность не организована. Кружков никаких нет. Комсомольская организация не организована. Комсорга в школе нет»².

Основным показателем низкой эффективности воспитательной работы являлись нарушения учебной дисциплины (от хулиганства до побегов) и прямые криминальные проявления. В период Великой Отечественной войны масштабы преступных деяний со стороны учащихся в значительной степени определялись массовой передачей освобожденных из лагерей НКВД молодых заключенных в училища и школы ФЗО. Документы свидетельствуют о высоком уровне рецидивной преступности среди таких подростков. Приводились факты организации преступных шайк, совершения вооруженных грабежей, убийств, хищений

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 908. Л. 28.

² Из акта обследования школы ФЗО № 81 при Богословском рудоуправлении, 4 февр. 1942 г. ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 82. Л. 10б.

государственного и личного имущества, в том числе ограбления складов ремесленных училищ и школ ФЗО¹.

Сохранение остроты проблемы криминальных проявлений со стороны учащихся на протяжении всего периода существования ГТР подтверждает вывод о низкой эффективности частных реактивных мер по разрешению конкретной ситуации или отдельных кадровых решений.

Ограниченный характер потенциала обновления системы ГТР, которым обладали отдельные реактивные мероприятия (принять меры по улучшению ситуации в конкретном учебном заведении) на основании проявлений «непарадного портрета» учащихся побуждал систему к более радикальным обновленческим мерам. К ним относились сплошные проверки, проводившиеся по инициативе центрального аппарата ГТР.

Заключение

Исследование потенциала обновления системы ГТР, заложенного в феномен «непарадного портрета» учащихся, позволили выявить его зависимость от феномена-антипода – официально культивируемого образа. Идеологическая заданность и детальная проработанность парадного образа учащихся автоматически превращала широкий спектр отступлений от него не просто в частные девиации, а в социально-политический феномен, который мы назвали *непарадным портретом*. Поэтому реакция на него руководящих звеньев системы ГТР и вовлеченных в процессы контроля над ее деятельностью партийных и комсомольских структур имела обязательный, но ограниченный характер.

Идеологические основы системы ГТР в отношении образа учащихся (молодые гвардейцы труда) не допускали никакого публичного отступления от официально признанного: в публичных выступлениях руководители системы ГТР (П. Г. Москатов, Г. Е. Зеленко и др.) всегда строго придерживались «парадного» портрета и лишь в служебных документах признавали масштабы «непарадных» проявлений. Поэтому фактор непарадности мог вызывать лишь частные постепенные изменения.

Мобилизационный полувоенный характер системы (сам по себе порождавший среди молодежи многие проявления непарадности) полностью соответствовал созданной к концу 1930-х гг. экономической модели и вплоть до ее реформирования не мог быть радикально изменен. Поэтому при обсуждении различных проектов развития системы ГТР в конце 1940-х– начале 1950-х гг. на уровне Госплана и Министерства трудовых резервов важнейшие экономические факторы (в первую очередь, реальная потребность промышленности в рабочей силе, возможности регионов – доноров призывников по мобилизации соответствующих возрастов и т. д.) просчитывались именно исходя из действующей в СССР мобилизационной экономической модели

В то же время за годы функционирования системы был накоплен значительный опыт борьбы с проявлениями непарадности, который позволил перейти от чисто дисциплинарных и карательных методов по отношению к учащимся и педагогам к более тонким и долгосрочным практикам, направленным на сглаживание неизбежных конфликтов и противоречий

¹ ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 5. Д. 51. Л. 70.

и, в конечном итоге, на системное воспитание учащихся как носителей социальных характеристик, составлявших официальный, *парадный портрет* учащегося Государственных трудовых резервов СССР.

Список литературы

1. Баткин Л. М. Ренессансный миф о человеке // Вопросы литературы. 1971. № 9. С. 112–133.
2. Гуревич П. С. Социальная мифология. Москва: Мысль, 1983. 176 с.
3. Ларионова М. Б., Заглодина Т. А., Разинков С. Л. Социокультурные маркеры как основа для реконструкции портрета учащихся Государственных трудовых резервов СССР // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. № 2. С. 65–80. <https://doi.org/10.52944/PORT.2023.53.2.004>
4. Петров Ю. П. Социально-нравственный потенциал образования. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1987. 132 с.
5. Разрывы и конвенции в отечественной культуре / под ред. О. Л. Лейбовича. Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, 2011. 312 с.
6. Романов Р. Е. Советское государство и рабочие Сибири в годы второй мировой войны: принудительная стратегия социально-трудовой коммуникации // Историко-экономические исследования. 2018. Т. 19. № 3. С. 303–329. [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2018.19\(3\).303-329](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2018.19(3).303-329)
7. Травин И. И. Мифологемы и предрассудки административной системы (опыт систематизации) // Философская и социологическая мысль. 1989. № 2. С. 59–62.
8. Berger P. Facing Up to Modernity: Excursions in Society, Politics, and Religion. N.Y.: Basic Books, 1977. 233 p.

References

- Batkin, L. M. (1971). *Renessansnyj mif o cheloveke* [The renaissance myth of man]. *Voprosy Literatry*, 9, 112–133. (In Russ.)
- Berger, P. (1977). *Facing Up to Modernity: Excursions in Society, Politics, and Religion*. Basic Books.
- Gurevich, P. S. (1983). *Socialnaya mifologiya* [Social mythology]. Mysl. (In Russ.)
- Larionova, M. B., Zaglodina, T. A., & Razinkov, S. L. (2023). Sociocultural markers as a basis for reconstructing the portrait of students in the state labour reserves. *Vocational Education and Labour Market*, 11 (2), 65–80. (In Russ.) <https://doi.org/10.52944/PORT.2023.53.2.004>
- Lejbovich, O. L. (Eds.). (2011). *Razryvy i konvencii v otechestvennoj kulture* [Gaps and conventions in domestic culture]. Perm State Institute of Art and Culture. (In Russ.)
- Petrov, Yu. P. (1987). *Socialno-nravstvennyj potencial obrazovaniya* [Social and moral potential of education]. Ural University Press. (In Russ.)
- Romanov, R. E. (2018). Soviet state and Siberian workers during the Second World War: forced strategy of social and labor communication. *Journal of Economic History & History of Economics*, 19 (3), 303–329. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2018.19\(3\).303-329](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2018.19(3).303-329)
- Travin, I. I. (1989). *Mifologemy i predrassudki administrativnoj sistemy* (Opyt sistematizacii) [Mythologemes and prejudices of the administrative system (An attempt at systematization)]. *Filosofskaya i Sociologicheskaya Mysl*, 25, 59–62. (In Russ.)

Сведения об авторах

Захаровский Леонид Владимирович, канд. ист. наук, доцент, директор Института гуманитарного и социально-экономического образования Российского государственного профессионально-педагогического университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0951-2080>, konung-75@mail.ru

Ларионова Марина Бариевна, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой документоведения, права, истории и русского языка Российского государственного профессионально-педагогического университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4969-0527>, marin.lar@mail.ru

Заглодина Татьяна Алексеевна, канд. социол. наук, доцент кафедры философии, социологии и социальной работы Российского государственного профессионально-педагогического университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1689-1552>, tz1708@yandex.ru

Разинков Сергей Львович, канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, права, истории и русского языка Российского государственного профессионально-педагогического университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0018-7931>, sergerazinkov@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Leonid V. Zakharovsky, Cand. Sci. (History), Docent, Director of the Institute of Humanitarian and Socio-Economic Education, Russian State Vocational Pedagogical University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0951-2080>, konung-75@mail.ru

Marina B. Larionova, Cand. Sci. (History), Docent, Head of the Department of Documentation, History and Legal Support, Russian State Vocational Pedagogical University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1689-1552>, marin.lar@mail.ru

Tatyana A. Zaglodina, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Social Work, Russian State Vocational Pedagogical University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1689-1552>, tz1708@yandex.ru

Sergey L. Razinkov, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Documentation, History and Legal Support, Russian State Vocational Pedagogical University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0018-7931>, sergerazinkov@mail.ru

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interest.
All authors have read and approved the final manuscript.